

Федор Николаевич Григорьев родился в 1962 году в селе Токаревка Тамбовской области. Окончил Воронежский медицинский институт. Врач, психиатр-нарколог. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в журналах «Подъём», «Роман-журнал XXI век», интернет-издании «Русский колокол» и др. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, президент Фонда русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба», председателю оргкомитета Всероссийский фестиваль русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Член Союза писателей России. Живет в Борисоглебске.

Федор Григорьев

ОТЦОВСКОЕ ТЕПЛО

ДРОВА

Стихи смолкают к непогоде,
Пусты слова.
Беру колун и на колоде
Крушу дрова.
Сосна, береза ли, осина,
Я — хрясь да хрясь:
Ну что ж, что жизни половина
Не задалась.
Копаться в чертовой проблеме —
Сойдешь с ума,
На сто пятнадцатом полене
Уйдет сама.

В печи, как в топке паровоза,
Зажгу пожар.
Сосна, осина да береза
Поднимут пар!

И вот уже по всей России
Лечу в избе,
По бездорожью, по трясине,
Как по судьбе.
Трещит избушка в изумленьи,
Дрожит мой кров:
Стреляйте, глупые поленья,
Пылай, любовь!

Мне всю другую половину
Играть с огнем:
До малой щепы, до дровины,
И — сгинуть в нем...

*Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.*

А.С. Пушкин, 1831 г.

*Пусть бандой окружат нанятой,
Стальной извиваются леевой, —
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!*

В.В. Маяковский, 1918 г.

Я мог бы ныне, как обычно, с упоением,
Дышать поэзией под гомон певчих птиц,
Когда б не ужас новоросского сраженья
И «пшеков» смрадное дыханье у границ.

Через туманы европейской непогоды
Я вижу статую с рукою до небес,
В которой символ опьяняющей свободы —
Всего лишь факел марширующих «эСэС».

Неужто за морем, за срамом гей-парадов,
Отцам-сенаторам *гнев Божий* нипочем?
Не баба русская стоит над Сталинградом —
То Богородица с карающим мечом!

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Это наш с тобой Серебряный век,
Век любовных откровений без слов,
Век дымов от цепенеющих рек,
Жизней разных у ветвей и стволов.

В этом веке под обычным дождем
Тает века Золотого вранье.
Как я счастлив, что — навеки вдвоем! —
Завершаем восхождение свое.

Полно плакать над судьбой лебедей,
Вены резать я не вижу причин:
Время — славное проклятье людей,
Архитектор наших лучших морщин.

И покуда то на радостях пьет,
То псалмы поет Серебряный Бог —
Яд чудесно обращается в мед,
Возрастает до поэзии слог!

ТУЛУП

В сарае ветхом, за рогожей,
Где время пыльное текло,
Тулуп нагольный грубой кожи
Хранил отцовское тепло.

Хозяин в спорах был неистов,
Переступал порой черту,
Среди «идейных» активистов
Был нелюбим за прямоту.

Не раз с морозом и метелью
Кожух вступал в смертельный бой,
Служил одежкой и постелью,
Как в сорок первом, под Москвой,

И — побеждал! Меня на дровнях
В нем из роддома привезли.
Тогда казались ровня-ровней
Все обитатели Земли...

Отца убили компромиссы,
Дрянной коньяк, наветов зло.
Тулуп без боя съели крысы —
Ему в тот раз не повезло.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДОКТОР

Другу моему, Саше К.

Ему больные — словно дети,
Живут теплом его огня.
Они порой на этом свете
Гораздо кровней, чем родня.

Он не разводит боль руками,
Не чародей — помилуй Бог!
Не раз свечу затеплит в храме
За тех, кого спасти не смог.

День ото дня мудрея — тает,
И, завершая свой полет,
Все близко к сердцу принимает,
И раньше времени уйдет.

Не митингует за зарплаты,
С начальством — не хамелеон,
В уме — ученье Гиппократата,
В душе — святой Пантелеймон...

БОРИСОГЛЕБСКИЙ ВАЛЬСОК

*Фестивалю русской словесности и культуры
«Во славу свв. Бориса и Глеба» посвящается*

Еще цветет полынь, и манит пчел татарник,
Струятся вдоль Хопра степные ковыли.
Я видел на заре, как два вихрастых парня
С конями в поводу по улице прошли.
Сюжетами полны имперские задворки,
Здесь каждый уголок о многом говорит:
Приехав на вокзал, вздохнул писатель *горько*,
Задумавшись, присел... И вот уж век сидит!¹

Мой город воевал, он не стоял в руинах,
Но все же ты ему «победную» налей:
Гляди, как на ветвях развесили рябины
Кровавые бинты его госпиталей.
С крестами на крыле летучие шакалы
На цифре сорок пять имели жалкий вид.
А наш такой родной, живой *Валерий Палыч*²
Еще не одного орла благословит!

И в парке городском, и в театральном зале
В компании друзей от Ялты до Ухты
Уже который год мой город *фестивалит*
С Поэзией — на «Вы», с поэтами — на «ты».

Еще цветет полынь, сорит крылаткой ясень,
Церквей колокола к заутрене зовут.
Я вижу в облаках, как два прекрасных Князя
С конями в поводу над городом идут...

* * *

Осенняя малина
Алеет на губах,
Прозрачный сочный вечер
Антоновкой пропах.

¹ В 1889–1890 гг. А.М. Горький работал в Борисоглебске артельщиком при товарной кассе и сторожем склада брезента и мешков при железнодорожной станции. Памятник писателю установлен на площади перед железнодорожным вокзалом. Борисоглебские впечатления нашли отражение в рассказах Горького «Сторож», «Скуки ради», «Книга».

² В Борисоглебске расположено высшее военное авиационное училище летчиков, которому в 1938 году было присвоено имя Валерия Павловича Чкалова.

В саду, где поселился
Непонятый Пьеро,
Сорока-белобока
Мне скинула перо.

А я, как Буратино,
Ольховый обалдуй,
Ловлю-ловлю Мальвины
Прощальный поцелуй...